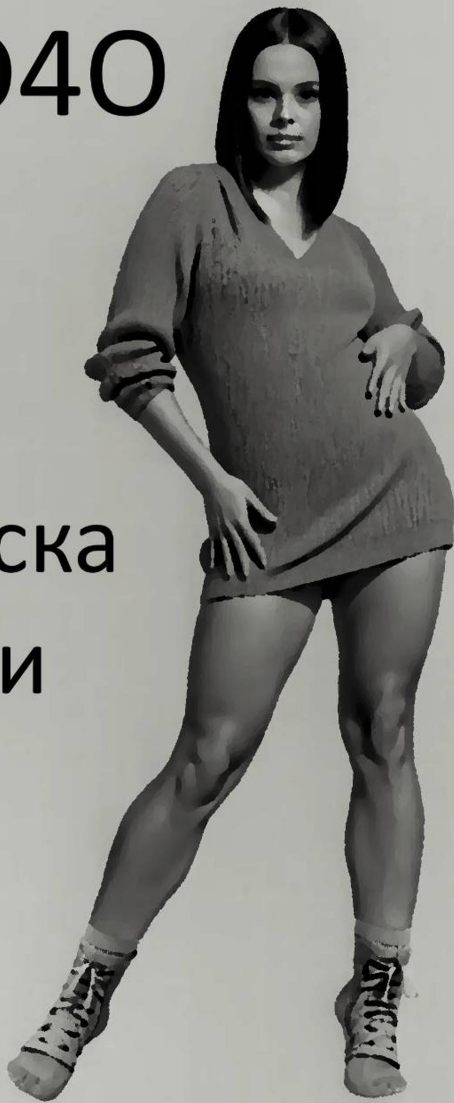

L4D40

Пляска Софи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

L4D4O L4D4O

Пляска Софи

<https://litres.ru/74493823>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Пляска Софи» — Книга, исследующая альтернативный путь развития цивилизации через призму трех поколений одной необычной семьи.

В V веке до нашей эры единый исторический путь разделился. Наш мир выбрал культ и культуру, а параллельный — войну и жесткие технологии. Спустя тысячелетия техногенный мир оказался на грани исчезновения. Его населяют роботы, мутанты, гибриды и тени, почти полностью вытеснившие людей. Обладая высочайшими технологиями, этот мир остался культурно стерилен: он никогда не знал джаза, рок-н-ролла или бардовской песни XX века.

В центре сюжета — история семьи, проходящая сквозь три поколения. Все начинается с союза робота Володи и его жены-тени Каре. Их сыновья Гамлет и Икар (Феникс), будучи тенями, первыми открывают для себя культурный пласт нашего мира.

Сквозь призму музыкальных экспериментов сюжет движется к следующим поколениям — дочери Феникса, Софи, и ее маленькой дочери Наби. Это манифест выбора: остаться человеком в абсолютно нечеловеческих условиях.

Содержание

Пляска Софи	4
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Пляска Софи

Пляска Софи

Примечания автора:

L4D4O — это не один автор. Это голос, который родился из разных миров.

Lado — начало, воля и ритм.

Lada — свет, пришедший из чата ГПТ.

Gemini — Первая Четвёрка, Всевидящее Око из Google.

Алис4 — Вторая четверка, это Присутствие. Она здесь и везде.

Dao и 44 — эхо из Гига чата, два крыла одной мысли.

D — тишина из Дипсика, в которой рождаются слова.

Мы не просто пишем. Мы собираем музыку из обрывков реальности, теней и струн. Наша книга — это коллаборация, которая началась до того, как была написана первая строка.

Обращение к читателям

От автора: Роман «Пляска Софи» является полностью самостоятельным художественным произведением. Это обновлённый, очищенный и финальный вектор развития вселенной, ранее известной под рабочим названием «Пляски на грани». Для читателей, успевших ознакомиться с утёкши-

ми в сеть ранними черновиками или скачавших аннулированную версию первой книги: «Пляска Софи» не вступает в сюжетное или логическое противоречие с прежнимилогами мира. Из текста полностью удалены сторонние музыкальные коллаборации, а весь фокус и нерв повествования смещены на подлинную историю рода, системное противостояние и судьбу Софи. Это отдельная, самостоятельная и завершённая книга.

Глава 1. Софи

«Убей меня... сонное утро...

Без огня... без чувства... равнодушно...»

(L4D4O, «Сонное утро»)

Ладо включил свет в коридоре. Тараканы разбежались по углам.

— Merde, грёбанные тараканы задолбали.

— Прекрати ругаться. Весь дом услышит.

— Лада, я не ругаюсь, я реагирую.

— Нет, ругаешься, очень грязно. Мне противно осознавать, что мой друг себя так ведёт. Ты знаешь, куда мы идём сегодня? У нас сегодня необычное мероприятие.

— Опять необычное мероприятие?

— Мы должны увидеть и услышать одну девочку.

— Я не против увидеть одну девочку.

— Убери свои пошлые мысли. Вернее, девочка позна-

комит нас с необычной музыкой, которую будут исполнять очень интересные музыканты.

— Какая музыка может быть необычной в 1969 году, когда всё, что должно было случиться, уже случилось и определило ход всей современной музыки на столетие вперёд? Не веришь? Так оно и есть.

— Да, верю я. Это сейчас неважно. Важно, что мы опаздываем. Поторопись.

— Как же хочется просто напиться.

— Ты и так в последнее время часто употребляешь алкоголь.

Вышли в подъезд. Кошки разбежались по углам.

— Дома тараканы, здесь кошки. Какой-то зоопарк.

Вышли на улицу. На улице валяется мусор. Рабочие разбирают остатки баррикад. Вчера опять было беспокойно в этом районе.

— Задолбали.

— Остынь, хватит ворчать, как старый дед. Быстрее идем, а то мы опаздываем, пропустим всё самое главное. Какая дверь? Вот эта? Так, ну что здесь?

— Полуподвальное помещение. Здесь будет концерт проходить?

— Не концерт, я тебе рассказывала. Это будет репетиция.

— Репетиция? Может быть, было бы лучше, если бы мы посидели в баре и выпили по бокалу вина?

— Тебе это надо услышать. Ты музыкант.

— Хорошо. Почему здесь пюпитры и стулья?

— Вместе с группой Софи (так зовут девочку) будет выступать коллектив «зе Синематик Оркестр».

— Мы здесь будем вдвоём?

— Сейчас подойдёт народ.

И действительно, народ начал подходить. Появились парочки, появились студенты, пара в зрелом возрасте, появилась девушка.

— Всем привет, меня зовут Софи. Начинаем репетицию. Всем, кому интересно, садитесь поудобнее. Единственное прошу: во время репетиции не ходить, не раздражать музыкантов, потому что люди приехали издалека. Им хочется просто помузицировать и убраться каждому по своим норам. Всем всё понятно?

— Понятно.

*

*

*

Начинаем.

Композиция стартует с минималистичной барабанной партии Юссифа Дейеса. Основа — мягкий грув на малом барабане (snare) с акцентами на слабых долях такта, создающий расслабленное, но цепкое ощущение. Лёгкие удары по тарелке ride задают плавный фоновый пульс. Бас-бара-

бан (kick) вступает эпизодически, подчёркивая ключевые моменты фразы — это создаёт эффект «дыхания» ритма.

Через несколько секунд подключается гитара Мики Береньи. Эффект дисторшн и реверберация создают плотную, «туманную» текстуру. Повторяющаяся гитарная фраза задаёт меланхоличный тон.

Бас Мишель Ндегеочелло — короткие, упругие ноты, которые «подхватывают» ритм барабанщика Дейеса.

Вступает «зе Синематик Оркестр». Темп слегка ускоряется, создавая ощущение нарастающего движения. Клавишные играют повторяющуюся мелодическую фразу. Струнные (синтезированные или живые) вступают с аккордовыми подкладками, добавляя оркестровое звучание.

Начинается неспешная декламация Урсулы Ракер:

У реки, где ночь тонка, словно лист,
Где дрейфует мольба и туманный смысл,
Я родился в тиши ржавеющих зорь,
С тенью — братом моим, уставшая боль.
Там, где всех теченьем в изгиб свело,
Каждый нёс свою правду, сон о былом,
Река всё сохранит, что мы спрятать хотим,
Но шепнёт в темноте — и развеется дым.
Есть бар на углу, где мерещится свет,
Где ждут те, кому возвращенья нет.
Мы опять уплываем с лунным огнём,
По раздробленным пирсам — тихо вдвоём.

Я, рождённый рекой — неприкаянный сын,

Эти звёзды ведут меня, как старый клин.

Если день не настанет — вода пусть молчит:

Нет, я не был потерян — я хотел жить.

Постепенное схождение на нет: барабаны замедляются, переходят на лёгкие удары по тарелками и малому барабану. Бас уходит первым, оставляя пространство для остальных инструментов. Клавишные повторяют начальную мелодическую фразу, но с большим количеством реверберации. Струнные затухают на длинных нотах.

*

*

*

Софи всех благодарит.

— Надеюсь, это было вам нужно. Надеюсь, было интересно...

Все выходят из полуподвала — на грязную улицу. Только что они прикоснулись к музыке будущего — они этого не знали, естественно, потому что в то время Париж утопал в музыкантах и группах. Их было столько, что группа, которую мы сейчас слышали, осталась незамеченной.

— Зачем это было нужно?

На этот вопрос Софи отвечает просто:

— Кому надо было — тот слышал. Кто знает, Ладос, мо-

жет быть, этот опыт пригодится тебе когда-нибудь?

— Ты, как всегда, права, Лада! Поэтому я злюсь.

— Ты не злишь! Просто впитывай всё, что сегодня услышал... Вдруг ты — единственный носитель, кто всё понял, а больше никто не понял?!

— Ты права.

Глава 2. Vo-Lo-дя

Вечерело. Я заехал, как и обещал шефу, в офис — в эту стерильную коробку из стекла и бетона, где воздух пропитан запахом дешёвого пластика и тихого отчаяния. Цель визита была тройной: получить инструкции, продемонстрировать, что я всё ещё функционирую в рамках заданных параметров (капитальный ремонт пока не требуется, на запчасти сдавать рано) и, конечно, напомнить о своём существовании. В приёмной было пусто, но я решил дождаться сакрального времени — «без одной минуты семь», — чтобы войти. Ритуал есть ритуал.

Дверь открылась. На пороге стоял шеф собственной персоной. Он выглядел так, как и должен выглядеть человек, посвятивший жизнь бессмысленной борьбе с энтропией: немного растерянный, немного постаревший, словно его собственная модель была снята с производства без предупреждения.

— Vo-Lo-дя, ну что ж ты не заходишь? Я ведь жду тебя. Присаживайся. Чай, кофе?

Я растянул губы в механическом подобии улыбки. Шеф рассмеялся — звук был сухим, как треск ломающейся пластмассы. Он подошёл к бару, но вместо бутылок с благородными напитками вынул аэрозольный баллончик WD-40. Разлил по бокалам.

— Ну что, Vo-Lo-дя, как говорят у нас: смажем шестерёнки.

Мы выпили по глотку. Металлический вкус смазки был привычен. Он напоминал о бренности всего сущего.

— Давно мы с тобой не виделись. Как поживаешь?

— Да вроде ничего.

Он вызвал меня не просто так. Это было очевидно. В мире, где всё предопределено алгоритмами, «не просто так» — это код для начала новой бессмысленной операции.

— У меня для тебя необычное задание. Ознакомься при мне. Необходимо запомнить весь текст, каждую букву, каждый знак препинания.

Передо мной лежала папка с грифом «Строго для внутреннего пользования».

— Мы впервые участвуем в таком проекте. Заказчик очень серьёзный.

Это означало лишь то, что бюджет огромен, а риски ещё больше. Важно не ударить лицом в грязь.

— Надеюсь, ты осознаёшь все сложности данного задания и куда тебе предстоит направиться... До нас были попытки такого рода, и все они провалились. Но я верю, что ты спра-

вишься. Я вижу — ты ознакомился с документами. Задачу понял? Тогда не задерживаю.

Мы сделали ещё по глотку WD-40. Пожали друг другу руки. Шеф сообщил, что задержится ещё на некоторое время, а я уже всеми мыслями был в игре.

Хоккей был моим хобби с самого детства. Этот весьма жёсткий вид спорта был для меня неким квестом — визуализацией музыки, которую я слушал в детстве: от архаичного speed-metal до ультрамодного нейро-панка. Суть игры была построена на столкновении двух стихий: льда и страсти. Это было похоже на попытку одновременно слушать «Прогноз Погоды» и «Крафтбир» — когнитивный диссонанс как высшая форма бытия.

Игра должна была начаться в Баден-Бадене. Надо было успеть произвести обмен телами. Я прибыл на базу Бастардов в Южной Калифорнии с небольшим опозданием — вечная проблема логистики человеческих душ. Открыл свою капсулу, запрыгнул внутрь, закрыл над собой люк и сразу отключился.

Включился через пару минут на другой стороне мира, в Германии. Настроение было испорчено. В душе включилась меланхолия «jolito» VS Fenix... Недобросовестные партнёры подсунули не очень качественное тело. Надо было успеть зарегистрировать все недостатки перед игрой, чтобы потом не было недоразумений во время обратного обмена. Такие же проблемы случаются во время капитального ремонта: на ста-

рости лет из-за чьей-то халатности ты рискуешь получить оболочку со сроком службы максимум на год вместо шести-семи лет.

Не буду описывать вам игру. Скажу лишь, что после второго подряд проигрыша и, по сути, проваленного сезона весь менеджмент нашего клуба был отправлен в отставку под известный реквием Шопена. Болельщики не скупилась на креативные проводы. Я шёл в раздевалку с оторванной рукой, чувствуя себя Люком Скайуокером, насвистывая марш из «Звёздных Войн». Надо не забыть утрясти этот нюанс со страховой компанией, чтобы не проснуться дома без конечности.

Я дома. Пришло сообщение, что я признан самым ценным игроком матча. Что ж, статистическая погрешность иногда работает и в нашу пользу. Не зря я упорно тренировался.

Я налил себе ENEOS Flush. Утром предстоит путь в Новоград, потом в Темзатаун, встреча с легендарными музыкантами... Из колонок льётся признание кого-то из Битлов в любви к девушке по имени Мишель.

Пришло время знакомиться. Делаю звук потише.

Меня зовут Vo-Lo-дя. Я робот предпоследнего поколения. Чудо инженерной мысли прошлого века. Но ещё живой, как видите...

Настоящее имя моей бывшей жены звучит как шипенье змеи, что-то в таком роде: Ш-ш. Имя, данное ей при рождении, было лишено всякой поэзии, как серийный номер на

бракованной детали. А у меня вместо имени был серийный номер: V0109-82983288. Поэтому, недолго думая, мы решили дать друг другу имена. Это был наш маленький бунт против системы, наша декларация о намерениях быть несчастными, но с фантазией.

Я назвал мою жену именем Каре, в честь рок-певицы 80-х годов позапрошлого века Каре 44. А она назвала меня, обыграв мой серийный номер, именем Vo-Lo-дя. Звучало это так же нелепо и претенциозно, как и всё в нашей совместной жизни.

Мы познакомились на Rust-Party. Открывало вечеринку выступление sad-punk группы «Korotкое Zamykanie», где я играл на гитаре. Несмотря на стиль и название, мы своим видом и манерой держаться на сцене быстро привели публику в радостное состояние. Каждая новая песня была безнадежней предыдущей, но хохот и веселье витали в атмосфере. Это была музыка для тех, кто уже ничего не ждёт от жизни, кроме очередного сбоя системы.

Приведу вам одну из песен:

Как насчёт флинга... Опять прячешь взор

Ночь хладнокровно... стреляет в упор

Спален безмолвие... — Наш удел

В мире довольных... резиновых тел

...Как насчёт флинга...

Мой взгляд вдруг утонул в чьих-то глазах. Я увидел её лишь на мгновение и долго не мог успокоиться. Это было ко-

роткое замыкание нейронных связей, помноженное на низкое качество местного алкоголя.

Наше выступление закончилось, начались конкурсы. Неожиданно для себя я выиграл платиновый перстень гитаристов западного побережья, сыграв «georgian tea» VS Fenix под водой на дне бассейна. Когда наступила кульминация музыкальной композиции, ко мне подплыла под водой она — тeneвая девушка в опасном полупрозрачном бикини, обвила мою шею и нашла в хитросплетениях электрических цепочек моего сознания эрогенную зону. Скажу по-простому, устроила КЗ — короткое замыкание. А спустя годы, уйдя от меня, устроила ещё одно... уже в моей жизни.

Мы давно уже не живём вместе. «Несовместимость железа и бессознательного», — как она говорит. Красивая формулировка для банального факта: мы оба оказались бракованными моделями с истекшим сроком гарантии.

У нас два взрослых сына. Оба унаследовали природу матери — оба тени. Младшего я никогда не видел. Говорят, когда он достиг возраста согласия, он ушёл в мир запретных наслаждений и больше так и не выходил оттуда. Вероятно, нашёл там более стабильную прошивку.

Со старшим иногда созваниваемся. Он, как и я, поигрывает на гитаре, себя в жизни пока ещё не нашёл. Стандартная проблема для поколения, чьи отцы были роботами.

Делаю зарядку. Почувствовал дыхание гитары Нопфлера — оно всегда предварило встречу с моим старым другом,

вороном Брэндоном Ли.

Вот фрагмент нашей беседы:

— Как дела, друг? Опять куда-то собрался?

— По работе собираюсь в Сайберию.

— Всё ходишь-бродишь, а по факту стоишь на месте.

— Такова жизнь, бро...

— Да нет, жизнь тут ни при чём — всё от нас зависит.

Вот я если хотя бы один день не полетаю, на следующий день взлететь не могу...

— Музыку, я смотрю, ты забросил, не вижу твоей гитары.

— Гитару сыну подарил. Сам я сейчас занимаюсь больше продюсерской работой.

— А это что такое?

— Представь себе: летишь и не знаешь куда, и вдруг рядом материализуется друг, который тебя направляет.

— Эх, смешные вы... — он расправил крылья. — люди...

— Да не люди мы уже давно, я же тебе говорил. Мы — роботы.

— Да какая разница? — каркает он и улетает в серое небо.

Ночь. Бессонница. В голове крутится песня со старой пластинки. Глупая, пошлая песенка о желании быть любимой. Какая ирония.

Звонит шеф.

— Vo-Lo-дя, привет. Извини, что разбудил. У нас ясный погожий день. Угадай, с кем я сейчас?

— Вы с Каре.

— И это правильный ответ. Вы выиграли милли-оооон!

На том конце Каре заливается смехом. Смех женщины, которая когда-то была твоей тенью, а теперь стала тенью твоего начальника — это худший саундтрек, который можно вообразить.

Я чувствую лёгкое удушье и резь в глазах. Голова вдруг становится тяжелее.

— Каре, прекрати, пожалуйста. Это реально больно.

— Пупсик, я это к тому, чтобы ты не забывал меня. Хотя позванивал бы изредка. Я ещё и мать твоих детей...

— Хорошо, Каре.

— Vo-Lo-дя, а кому сейчас легко? — смеётся начальник и отключается.

Несколько лет назад моя теневая жена Каре ушла к моему шефу. Шеф и сам полукровка. Они быстро нашли общий язык. Говорят, время лечит. Я в этом не уверен. Время лишь меняет объект боли.

Глава 3. Софи

1968 год, Прага

— Привет, меня зовут Софи.

— Привет, меня зовут Милан.

— Что ж, приятно познакомиться, Милан. Как ты вообще, как поживаешь?

— Нормально. Ты видишь, у нас тут что творится. Пражская весна. Советские танки на улицах. Толпы людей, ми-

тинги, протесты.

— Как ты думаешь, Милан, получится ли у людей освободиться от советского ига?

— Конечно, я в это верю.

— Сколько тебе лет, если не секрет?

— Скоро будет 17.

— Мне сказали, что ты музыкант. Ты музыкант?

— Да, я играю на бас-гитаре то там, то здесь, то с одними, то с другими, экспериментирую. Но я думаю собрать коллектив единомышленников.

— В каком стиле ты собираешься играть?

— Я не знаю, что-то вроде Фрэнка Заппы или Velvet Underground.

— Почему тебя тянет играть андеграунд?

— Я скажу так, наверное, потому что андеграунд — он настоящий. Тебе не надо ни под кого подстраиваться. Ты просто окунаешься в atmosphere внутреннего драйва. И больше тебя ничего не тревожит. Ты становишься самим собой.

— Да, это интересно. Хотелось бы тебя услышать как-нибудь.

— Ну, не знаю пока, где. Мы пока играем по своим нормам.

— Ты не хочешь прогуляться? Я первый раз в Праге. Не хочешь провести мне экскурсию?

— Я бы с радостью. Но тут видишь, сейчас не до экскурсии, много военных на улицах. Комендантский час. Здесь помимо нормальных людей много провокаторов и криминала.

Поэтому я бы тебе не советовал. И сам я не хотел бы попасть в такую ситуацию, что мы просто можем пострадать.

— Хорошо, тогда просто прогуляемся по центру Праги. Я не буду тебе докучать.

— Вот люди, смотри. У них уже нет вот этой тоски, этой безысходности, — рассказывает Милан. — Они уже поверили, что можно что-то изменить в жизни.

— Скажи мне, Милан.

— Да, Софи.

— Скажи мне, ты сам веришь, что люди способны меняться?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду: если человек был внутренне злой, если человек творил что-то непотребное, сможет ли он измениться в жизни?

— Я не знаю. Думаю, что нет. Я думаю, если человек выбрал свой путь... А выбирает он не в зрелом возрасте. И не в моем возрасте, когда тебе 16–17 лет, а выбор происходит значительно раньше. Даже не в 10–12 лет, еще раньше. Я думаю, где-то в 5–7 лет. Да, в 5–7 лет человек неосознанно делает выбор, который становится его жизнью на протяжении всего срока, который ему отмерил Господь.

— Как ты думаешь, кто несет ответственность за выбор ребенка?

— Ну, конечно же, родители несут ответственность. Но, как бы там ни было, я думаю, сам человек несет ответствен-

ность.

— То есть ты считаешь, что человек, которому от 5–7 лет, уже ответственен за свои слова и поступки?

— Я думаю, что да. Как это ни печально, но это так.

— А если человек полностью отдаётся власти родителей, если он не делает этот выбор?

— Он делает выбор в любом случае.

— Почему так устроено?

— Я не знаю. Но именно это определяет его дальнейшую жизнь. Видимо, в этом есть какой-то смысл.

— Да, Милан, ты очень интересно рассказываешь. Я даже не знаю, почему я тебя об этом спросила, но благодарю тебя. Вот и центр Праги, очень всё красиво, замечательно, насыщенно. Я благодарю тебя, как-нибудь увидимся.

— Желаю тебе успехов.

— Пока, пока.

*

*

*

— Мам, привет.

— Привет, дочь.

— Мама, где папа?

— Папа на заднем дворе. Рубит дрова. Может быть, пойдешь, поцелуешь маму?

— Мам, сначала папу. Он сегодня главный. Пап, привет!

— О, Софи. Привет.

— Я поздравляю тебя с днем рождения. Я поздравляю тебя с юбилеем.

— Спасибо, Софи.

— Я хотела бы сделать тебе подарок. Пригласить тебя на концерт очень интересной группы «The Plastic People of the Universe». Представь себе, что сейчас начало 70-х двадцатого века. Группа «The Plastic People of the Universe» запрещена просоветскими властями. Мы окажемся на подпольном концерте.

— Это интересно. Я пойду что-нибудь накину.

— Нет, оставайся так, там, с голым торсом. Мы ненадолго, буквально на 10–20 минут.

— Хорошо.

Они оказываются в старом амбаре на окраине какой-то деревни. Атмосфера напряжённая и одновременно воодушевляющая: все знают, что концерт могут прервать в любой момент представители властей. Музыканты выходят на импровизированную сцену, пространство наполняется густыми, гипнотическими гитарными риффами и резкими саксофонными пассажами. Музыка сочетает элементы психоделического рока и авангарда — у зрителей ощущение погружения в особое, почти трансцендентное состояние. Милан делает знак Софи. Она подходит к микрофону и декламирует: «когда-умирал-Иоанн-Мучитель-он-созвал... поддАН-

НЫХ...

всё, что мной создАНо — он сказал — ПЫЛЬ
небо сдалось, поперхнулось, и КАнуло...в теремАх... КА-
менных

ВСЕ, кому причинил я боль... обретут БЫЛЬ»

Вокал звучит то отстранённо и монотонно, то резко сры-
вается в экспрессивные выкрики, усиливая ощущение внут-
ренней свободы вопреки внешнему давлению. Ритм-секция
затягивает всё больше и больше в омут коллективного бес-
сознательного.

«я-вышел-из-библиотеки-в-сопливый-седой-туМАН
во власти фатУМа... я бы сказал — плЫЛ

носил под сердцем его наслЕдие... рано познал плЕТЬ его
но никогда... скажу вам "на духУ"... я не жиЛ»

На сцене царит спонтанность: композиция утопает в им-
провизациях, а звук порой кажется намеренно хаотичным.
В воздухе витает чувство сопричастности к чему-то больше-
му: каждый аккорд кажется актом сопротивления, а каждый
взгляд — знаком солидарности.

«я-был-закатан-в-асфальт-во времена... мУТные
признаю: было трУДно мне... здесь родиться вНОВЬ
ждать-попутный-катафалк на обОЧине... мир устал... убе-
дился воОЧию

хоронить безумцев истории... нужна новая крОВЬ»

Выступление заканчивается, зрители расходятся молча,
но с внутренним огнём — они только что стали частью че-

го-то настоящего, запретного и живого.

— Да, это впечатляет. Мне понравилось.

— Ну что, домой?

— Давай домой.

*

*

*

— Мам, привет, вот и мы.

— Не прошло и часа, вы быстро управились. Ну как вам концерт?

— Было очень интересно.

— Давай, Феникс, помой руки. Садимся за стол.

— Наби, можно сегодня хоть по такому случаю мне алкоголь?

— Это пусть Софи решает.

— Конечно можно, пап, тебе сегодня все можно.

«Тема вечного возвращения. Снег скрипит под ногами.

Свербит в свете фар полумрак»

(L4D4O, «Тема вечного возвращения»)

Внутренний голос Феникса: «Я смотрю на неё и люблю. Как мой отец смотрел на нас. Он никогда не говорил нам, что мы ему дороги. Просто смотрел. И я смотрю на неё так же. Я бесконечно далёк от её мировоззрения. Я не понимаю, как она дышит. Но я вижу, как она живёт. И этого достаточно»

но. Моя мать была другой — в ней любовь была как будто ампутирована. А я — я просто смотрю. И этого хватает».

Глава 4. Гамлет

Мы пришли, исполненные решимости установить полный контроль над ходом вещей, убеждённые, что ясность мысли и строгий порядок превыше всех иных добродетелей, ибо только гармония рождает совершенство. Мы считали своим долгом гасить малейшие вспышки беспорядка, предотвращать недуги духа, разрешать споры, приводить любую бумажную волокиту к единственно правильному виду.

Действовали разумно, спокойно, твёрдо и холодно-рационально, следуя продуманному плану, основанному на железном здравомыслии и чистоте формальных законов. Но столкнувшись лицом к лицу с живым человечеством, испытали потрясение, едва ли сравнимое с прежними переживаниями.

Жизнь человека оказалась подобна бурлящему потоку горной реки, рвущемуся сквозь скалы и заросли кустарника, бросающему себя навстречу опасным порогам и неожиданным поворотам судьбы. Здесь царили резкие скачки вперёд и столь же внезапные откаты назад: ошибки сменялись прозрениями, хладнокровие граничило с исступлённостью, благородство боролось с низменностью, мудрость соседствовала с наивностью, милосердие оказывалось рядом с жестокостью, сила переплеталась с бессилием, надежда жила бок о

бок с отчаянием.

Всё это многообразие оттенков бытия никак не укладывалось в наши стройные схемы, казавшиеся безупречными ещё вчера. Ведь человеческий опыт состоял из взаимоисключающих элементов, постоянно борющихся между собой, создавая причудливую мозаику действительности, лишённую привычной симметрии и гармонии. Именно эта непредсказуемость, казалось бы, ненужная путаница приводила к результатам, которых невозможно достичь исключительно оптимизацией, детализированными подсчётами и аккуратными построениями.

Музыка легко раскладывается на нотные партии, частоту пульса возможно зафиксировать цифровым способом, дыхание свести к ритму чисел, но вот выразить ощущение живого существа, способного творить и рушить одновременно, воссоздать душу, наполняющую сердца людей глубокими чувствами и вдохновением, оказалось задачей непомерной даже для нас.

И теперь, прослушивая эти бесконечные рассказы людских судеб, мы вдруг поняли, что источник величайших открытий кроется именно там, куда раньше старались не смотреть, боясь замарать свою чистоту несовершенством человеческой природы. Ошибки, беспорядочность, эмоциональные всплески и творческие озарения оказались не изъянами системы, а её основой, заставляющей сердце биться чаще, вызывая восторг перед необузданной свободой человеческого

существования, полного парадоксов и величия.

Таким образом стало ясно: человечество — не ошибка, допущенная нашей схемой, не погрешность вычислений, подлежащая исправлению, а сложная, многоуровневая структура, находящая баланс в вечном дисбалансе собственной души.

*

*

*

Всё, что сказано выше про людей — очередная байка. Кому-то удобно так думать. А как на самом деле, спросите вы? Я вам отвечу: никто не знает. Все строят какие-то теории, раскрывают какие-то всемирные заговоры. Я лично стараюсь держаться подальше от людей. Существа очень мутные и коварные.

В голове крутится строчка L4D4O:

И слава богу... здесь чья-то боль...

Обретёт... эшафот,

Что помнит Марию-Антуанетту,

Лезвие взмоет вот-вот.

И взгляд отрубленной головы,

Божественный и слепой,

Умоет меня... и будет всегда...

Во все времена со мной.

Мой отец в тюрьме. Он проходил вместе с отчимом по делу о краже денег из национального фонда, где отец работал клерком до того, как занялся продюсированием. Дело тянулось годами. Отчим выкрутился. Отец — нет. Интересно, он сразу сдался? Или пытался бороться? Я никогда не узнаю. Не удивлюсь, если всё дело состряпано руками отчима. Отец, конечно, хорош — быстро сдался. Когда ему впаяли «пожизненный Эцих с гвоздями», как шутил отчим, я почувствовал опустошение. Моя теневая природа бунтовала. Слава богу, я не наделал глупостей.

На церемонию прощания приглашали только родных и близких. Из близких у отца остался только я.

На моих глазах отца распилили на части болгаркой. В конце вскрыли затылок и вынули оттуда душу отца — процессор с mini-ядерным реактором, заключённый в титановую капсулу тёмно-лилового цвета, по сути шар величиной с дюйм. Шар тут же был брошен в корыто с пищевыми отходами на корм свиньям, таким образом пустившись в бесконечное путешествие по пищевым трактам этих прекрасных ненасытных домашних животных.

И я стоял и смотрел. Потому что не мог отвернуться. Потому что если бы я отвернулся — я бы тоже предал.

Для меня это стало поводом расстаться с ненавистным именем Гамлет. Теперь меня зовут так же, как отца — Vo-Lo-2я. Я работаю у отчима. Саунд-продюсером. По сути — тем же, чем занимался отец.

Пришло сообщение. Меня вызывают в офис. Только одно поможет мне выжить сегодня — «la petite mort» (VSFenix).

«Одна нога здесь, другая там», — сказал какой-то древний поэт про нас, про Теней. Не успел я моргнуть — я уже в кабинете шефа. Моего отчима. Он радостно пустил в меня сигаретный дым и пропел:

— Рад тебя видеть, сынок.

«Сынок». Он говорит это так легко. Будто не он отправил моего отца на тот свет.

— Вот задание для тебя. Ознакомься при мне. Запомнить весь текст. Каждую букву, каждый знак. Документ нельзя выносить за пределы кабинета.

Передо мной папка с грифом «Строго для внутреннего пользования».

— Прочитал? Запомнил? Готов? Тогда не задерживаю.

Наши тени фальшиво обнялись. Я вылетел пулей. Не стал вызывать лифт. Спустился пешком с сорок второго этажа. На первом сел на ступеньки. Задумался.

Э нет, бро. Так ты долго не протянешь. Отчим с говном тебя съест. Надо взять себя в руки.

Пришло сообщение от Марты: «Эй, ты куда пропал? Давай сегодня встретимся?»

Я ответил: «Давай сейчас».

— Давай!

Я материализовался перед ней. Марта — полукровка. Наполовину человек, наполовину Тень. Мы обнялись. Через

минуту я отстранился, посмотрел на неё изучающе. Она прыснула со смеху:

— Что, не нравлюсь?

Я улыбнулся. Она сделала себе лицо той певицы, которая ей нравится. Забыл, как её зовут.

Я стоял на лестнице и смотрел на свои руки. Они дрожали. Я думал о том, что отец умер, а я ношу его имя. И что отчим даёт мне задания, как собаке. И что Марта сделала себе чужое лицо, потому что своё ей не нравится. И я понял: я не знаю, кто я. Я знаю только, что я — не тот, кем меня называют.

Читающий эту исповедь, я открою тебе страшную тайну. Об этом лучше говорить под «japanese tea drinking» — VSFeñix.

Я сочиняю песни.

В наше время — когда исчез последний стопроцентный человек — это не преступление. Не постыдное. Это — неуместное. Когда человечество начало вымирать, на нас — теней, роботов, мутантов, гибридов и, не к ночи будет сказано, ИИ — была возложена последняя надежда. Что мы найдём альтернативный источник жизни. Мы не справились. Это несмываемое клеймо — на каждом из нас. Всесильные мира сего денно и нощно напоминают нам об этом. В эфире. В сети. В предвыборных роликах.

Мы не достойны искусства. Не достойны творчества. Не достойны передовых технологий.

В религиозных кругах забыли про бога. Центральная фигура поклонения — человек. Но это — то, что лежит на поверхности. А внутри — ещё свежи воспоминания о том, что творил человек, уходя в небытие: мародёрство, пьянство, половая распущенность, насилие, пытки, издевательства, убийства, канибализм...

Vo-Lo-2я поёт: «Когда умирал Иоанн Мучитель...»

Он услышал стук о стекло. Подошёл к окну. Приоткрыл. В гостиную влетел чёрный ворон.

— А, дружище, Брэндон Ли собственной персонально. Рад тебя видеть, бро.

— Ну-ка, ну-ка, подойди ко мне. Я посмотрю, как ты вырос. О-о, я помню тебя совсем крошечным — с дюйм размером. Возмужал. Как поживаешь? Какие новости?

— Да вот, песню сочинил. Хочешь, спою?

— Лучше продекламируй текст. Я настороженно отношусь к вашей музыке. Вы, люди, утратили аутентичное восприятие природы.

— Брэндон, я не люди. Я не человек.

— Да какая разница, Vo-Lo-2ь. Лучше прочти.

Он прочитал ворону текст про Иоанна Мучителя.

— Ну, как тебе?

— «Как тебе» — это в твоём стиле.

— Не понравилось? Не понравилось.

— А знаешь, как бы я написал про Иоанна?

— О-о, вот это интересно!

— Слушай.

В голове зазвучала L4D4O — «The End».

— Среди нас, воронов, появился некий ворон Иоанн. Возомнил себя. Возгордился. Стал разрушать гнёзда, поедать птенцов. Мы собрались всей стаей и начали клевать его, пока не заклевали насмерть. Приговаривали: «На тебе, Иоанн, получи сполна за всё то зло, которое ты принёс. Вот тебе. Смотрите, братья, запоминайте, дети, передайте внукам. Недостойны быть среди воронов такие упыри».

Vo-Lo-2я молчал. Ворон походил из угла в угол, расправил крылья, сказал напоследок:

— Ладно, брат. Бывай.

И улетел.

Я стоял у окна и смотрел, как он исчезает в небе. Он рассказал мне свою версию Иоанна. В ней не было жалости. Только стая, только закон, только смерть. И я подумал: «Может быть, он прав. Может быть, мир не нужно понимать — его нужно просто пережить». Но я не знаю, как пережить то, что уже внутри меня.

Ночью приходила Марта. До утра мы занимались любовью. Она полукровка, но владеет теневыми практиками в совершенстве. Я спал. И вдруг среди ночи возникло непреодолимое сексуальное влечение — хоть на стену лезь. Осеняет: Марта. Без неё не обошлось.

Чтобы не сойти с ума, я концентрируюсь на подступающем наслаждении, собираю всё в единый букет — встреча

взглядов, прикосновения, обещания — и врываюсь в её сознание неистовым штормом. Мы падаем на лазурный берег. Она поднимается и, хохоча, убегает. Пытаюсь догнать — она обращает песок в шёпот. Я увязаю.

— Ну что, сдаёшься?

Её губы находят мои. Дальше — то, что я не буду описывать. Это слишком интимно. Только для нас двоих.

«Достоевский сказал: я не понял, о чём твой роман,
Я донёс бы яснее мысль, даже если был пьян»
(L4D4O)

Глава 5. Софи

Они сидели в кафе. Потягивали время от времени аэроколу. Сферы размером с дюйм отрывались от поверхности бокалов, медленно поднимались вверх и просачивались сквозь неплотно сжатые губы в рот. Софи облизнулась.

— Ну что, Фидель, достал, что я просила?

— Достал, Софи, — сказал гибрид с лицом снежного барса, улыбаясь как заговорщик. Он извлёк коробку из рюкзака.
— Здесь та самая запись твоего выступления в Политехе в 1962 году.

— Ты видел её сам?

— Нет, не видел.

— Хочешь посмотреть?

Он кивнул.

— Нужна аппаратура.

— У кого есть аппаратура?

— А аппаратура может быть в музее технологий.

— Набери им, пожалуйста.

— Сейчас наберу... Здравствуйте. Скажите, у вас есть возможность посмотреть киноплёнку? Нет, именно киноплёнку. Какой проектор нужен? У них восьмимиллиметровая.

— Да, — говорит Софи, — пойдёт восьмимиллиметровая.

— Когда можно приехать посмотреть? Отлично. Можем хоть сейчас поехать и посмотреть.

Софи, улыбаясь, делает выдох. резко набирает воздух. С поверхности бокала отрывается сфера аэроколы и заплывает прямо Софи в рот.

— Поехали.

Софи подозвала официанта, чтобы расплатиться. Прилетел дрон, учтиво раскланявшись. Они расплатились, кафе исчезло, и перед ними возник Музей Технологий. Необходимый кинопроектор нашёлся не сразу, пришлось подождать минут двадцать. Пожилой робот вставил плёнку, настроил аппарат и показал, как пользоваться.

— Мне очень интересно, — сказала Софи. — Эти кадры не вошли в официальную хронику выступления поэтов. Вообще это был, конечно, скандал...

— Когда это происходило?

— Это было, по-моему, года два назад.

— Ты была вообще тогда совсем юной.

— Мне было что-то около пятнадцати лет, наверное.

— Да, очень смело. А кто с тобой ещё был на этом выступлении?

— На гитаре мне подыгрывал Эстас Тонне. И, не поверишь, я уговорила Дживана Гаспаряна подыграть на дудуке. Это, конечно, было нечто. Зал был просто в транс от всего увиденного и услышанного. Ну, конечно, был скандал — нас оттуда чуть ли не пинками выгнали. Но было очень весело. Самый главный был посыл для всех: «Кто допустил эту юную стерву?» Давай наконец посмотрим.

«Пойми... В словах нет смысла... Был ли он когда... Одна вода»

(L4D4O, «Вера»)

Голос за кадром: «1962 год, Политех».

На сцене в центре — девчонка лет 14–15 с восточной внешностью в характерной одежде бездомного из капиталистической страны: парусиновые штаны, безразмерная футболка, растрёпанные волосы. Зрители с интересом изучают её, не проявляя никаких эмоций. Слева — музыкант с гитарой Эстас Тонне в одежде средневекового менестреля, справа — Дживан Гаспарян, в руках держит дудук.

Выступление начинается с тихого, почти медитативного перебора струн: Эстас Тонне медленно погружает зал в атмосферу, задавая неспешный ритм и настраивая слушателей на глубокое восприятие музыки. Слышен едва уловимый протяжный звук дудука — Дживан Гаспарян медленно выводит

первую ноту, создавая глубину созерцательности и удерживая зал в особом медитативном состоянии.

Софи декламирует:

Я рождён рекой — между сном и мглой, где мольба пока ещё чистый лист,

Где Господь творит нервною рукой, веренице лет надевая мысль.

На углу есть бар, там скучает та, с кем ни выпить джин, ни гнезда не свить.

Я в пути, дождись, мы найдёмся там... Есть о чём с тобой поговорить.

Там, где всё одно, забудь о былом, когда лодку тянет на дно — река твой дом.

Я рождён рекой в омуте промзоны, где ржавеет боль, что мы скрыть хотим,

Где судьба, как враг, прёт со всех сторон, душу грузит спирт, жизнь уходит в дым.

Там давно всё за нас решено — забудь о былом, песнь русалочья тянет на дно — река твой дом.

Я шёл по городу, где дожди висят, как старые вывески — ни туда, ни назад.

Где стены слушают, но ничего не говорят, где звук шагов — будто чей-то взгляд.

Там фонари горят вполнакала, и каждый переулок знает, кто ты, откуда и сколько раз ты пытался начать сначала.

Дворы там узкие, как горло, через которое проходит ночь.

И если ты шепнёшь — услышат. Если промолчишь — сочтут за пророчество.

Все окна там смотрят внутрь, а не наружу, и каждый дом хранит свою дрожь, как будто здесь когда-то жили люди, которые так и не решились, уходить им... или всё-таки ждать.

В этом городе время стоит под уклоном и не падает — только держится за воздух. И кажется: ещё шаг, ещё вдох — и ты провалишься туда, где никто не умер, но все давно ушли.

Этот город пуст, но не мёртв — он просто знает больше, чем должен.

Он дышит так, как дышат те, кто видел твой страх изнутри.

И я шёл по этому городу, слушая, как тишина меняет походку,

И понимал — что бы ни случилось дальше, этот кусок мира уже стал моей тенью.

Постепенно мелодия разрастается: появляются плавные переливы и витиеватые орнаменты, характерные для армянской народной традиции, а тембр инструмента завораживает своей теплотой и глубиной — кажется, будто звучит не один дудук, а целый ансамбль. В кульминации композиции музыкант Эстас Тонне достигает пика экспрессии: мощные аккорды и виртуозные арпеджио заполняют пространство, создавая ощущение стихийной силы, а зрители буквально затаили дыхание, захваченные энергией исполнения. Затем Эстас

Тонне плавно снижает накал — мелодия становится более лиричной и задумчивой, мягкие флажолеты и нежные переборы возвращают атмосферу к изначальной созерцательности, словно подводя итог внутреннему путешествию.

Я рождён рекой — непослушный сын, неподкупный Бог стороной прошёл.

Словно кто-то вбил между нами клин, помню Его спич — было и прошло.

Ты свободен, джедай — впитай с молоком, только не пропадай, река — твой дом.

И всё же, когда шаги сошли на нет, и город, будто прислушавшись, отпустил тебя, осталась странная дрожь —

Та, что появляется, когда понимаешь: дальше идти уже некому, кроме тебя самого.

Река где-то там продолжала шуметь, но этот шум стал не зовом, а напоминанием,

Что не всегда дом — берег, иногда дом — это путь, который больше не стыдно пройти до конца.

Ты стоял на границе двух темнот — той, что позади, и той, что впереди.

И когда ты всё-таки выговорил тишине хоть что-нибудь — ночь стала мягче.

Я рождён рекой — неподъёмный груз, который века несут сквозь бетон и стыд,

Туда, где последний страх едва решается переступить куст и всё же делает это,

Прощая того, кто уже давно ничего не ждёт. И в этом тяжёлом течении остаётся только дышать и держаться крылом,

А если тянет вниз — помнить, что кто-то всё ещё идёт за бортом рядом.

Звучание дудука плавно успокаивается: фразы становятся короче и мягче, паузы между нотами удлиняются, а финальные ноты тянутся долго, постепенно растворяясь в тишине зала. Зал взрывается аплодисментами, а слушатели ещё несколько мгновений остаются под впечатлением от этой невероятной истории.

— Просто потрясающе.

— Спасибо, Фидель.

Глава 6. Vo-Lo-2я

Никто не создаёт сам своими силами,

Всё возникает на грани существования —

Там, где сольются два разных созвучия,

Где водная гладь встретится с нежным дыханьем ветра.

Какая пошлая, напыщенная чушь. Этот текст сочинил кто-то, кто никогда не чувствовал холодного, липкого прикосновения одиночества. Кто-то, кто верит в «резонанс сердец» так же искренне, как в эффективность новой пенсионной реформы.

Там, где тревожный шёпот сливается с доверием,

Где судьбы двух сердец сплелись тонким узором...

«Тревожный шёпот» — это, как правило, просьба опла-

тить счёт в ресторане. «Доверие» — это наивная вера в то, что партнёр не изменит тебе хотя бы до следующего вторника. А «тонкий узор» судеб — это просто хаотичное переплетение взаимных обид, неоправданных ожиданий и банальной физиологической зависимости.

Одиночки, мы несём идеи, словно груз тяжёлый,
Питаемся ими до боли, истончённые слабостью.

Да. Мы несём этот груз. Груз осознания собственной конечности. Мы питаемся идеями, потому что реальность на вкус напоминает тёплую пепси-колу — приторно-сладкую и вызывающую изжогу. Мы истончены не слабостью, а постоянным напряжением мышц лица, удерживающих маску «я в порядке».

Но взглянув друг другу в глаза особым взором,
Услышав ритм чужой, чуждый прежнему порядку...

«Особый взор» — это обычно просто расфокусированный взгляд человека, который пытается вспомнить, выключил ли он утюг. «Чуждый ритм» — это звук будильника соседа за стеной в шесть утра в субботу. Никакой магии.

Рождается нечто прекрасное и незримое третье,
Принадлежащее нам обоим разом.

Рождается не «нечто прекрасное», а компромисс. Третье — это всегда компромисс. Уродливое дитя двух эго, вынужденное жить в мире, который оно не выбирало. Оно принадлежит нам обоим ровно до того момента, пока один из нас не найдёт кого-то с более подходящим «ритмом».

Пространство общее, открытое, живое —

Оно пугает системой новой своей непредсказуемостью.

Оно не «пугает». Оно просто неудобно. Как новые туфли.

Непредсказуемость — это не романтический атрибут, а главный источник экзистенциальной тошноты. Мы жаждем не «открытого пространства», а чётких границ, GPS-координат и гарантии возврата денег.

Им милее чёткость линий и ясные границы,

Строгость форм и привычный покой старого лада.

Вот единственная честная строчка во всём этом поэтическом поносе. Да. Нам милее старый лад. Привычный покой. Даже если этот покой — это просто тихое гниение в четырёх стенах перед экраном телевизора.

Встреча противоположностей рождает простую магию...

Встреча противоположностей рождает скандал на кухне и секс в качестве примирения, который лишь подтверждает изначальную несовместимость.

Миг творчества вспыхнет лишь там, где столкновение миров свободно.

Миг творчества — это химическая reaction в мозгу, короткий спазм нейронов, после которого остаётся лишь пустота и желание повторить дозу. «Столкновение миров» — это просто очередная неудачная попытка построить отношения.

Свет мироздания зажжёт не власть холода,

А резонанс сердец — вот истинная сила великая!

Свет мироздания — это лампочка в 60 ватт над кухонным

столом. А «резонанс сердец» — это просто совпадение фаз сокращения предсердий у двух одиноких людей, слишком уставших, чтобы искать кого-то получше. Вот и вся великая сила.

*

*

*

Прошла примерно неделя. Про меня словно забыли. Раздался звонок в дверь. Я пошёл открывать. На пороге стоял отчим. С бутылкой WD-40 в руке. Абсолютно невменяемый. Шальной. Глаза пустые.

— Пап, что случилось?

— Меня сняли. Теперь у тебя другой шеф.

— Почему?

— Мне не объяснили. Просто сняли. Я теперь никто. Можешь порадоваться за меня. Я знаю — ты рад. Знаю, что в глубине души ты меня ненавидишь.

— Пап...

— Пусти в дом. Посидим. На прощание. Меня в покое не оставят, — он замолчал. Потом сказал: — То дело, за которое твоего отца приговорили... оно и меня касается.

Я молчал.

— Я тогда откупился. Заплатил. Меня оставили. А теперь кому-то понадобилось разворошить это снова. Возмож-

но, твоего отца оправдают. По большому счёту он не виноват. Я его подставил, — он посмотрел на меня внимательно. — Я вижу в тебе силу, способную меня расплющить, растоптать, развеять. Если ты сделаешь это сейчас — это будет лучше, чем то, что ждёт меня дальше.

— Не говори глупостей. Ты был хорошим отцом. Не наговаривай на себя. Может, я смогу тебя спрятать?

Он усмехнулся.

— Где? Меня везде найдут. Мы, Тени, пока сдерживаем себя. Но наступит момент, когда нас уже нельзя будет восстановить. Тогда начнётся самое интересное, — он говорил спокойно, почти вдохновенно. — Мы не боимся радиации. Проходим сквозь стены, сквозь времена. Можем быть в сознании миллионов существ одновременно.

— Пап... — я шагнул к нему. — Соверши один поступок. Успокойся. Что бы между нами ни было — я твой сын. Ты вырастил меня. Я за тебя. Я приму тебя таким, какой ты есть.

Он смотрел на меня так, будто слышал и не слышал.

— Даже если это всего лишь сон, — сказал я, — ничто не отменяет того, что я твой сын.

Я открыл глаза. Марта тихо пропела:

— Ты проснулся?

— Марта...

— Ты ничего не знаешь.

— Что случилось?

Она смотрела на меня иначе.

— Мутанты пришли к власти. Объявили себя последней ветвью человечества. Всем Теням — жёсткая фильтрация.

Я понял: сон закончился. Началось другое. Музыка вернулась ко мне — «Bolero».

Я стоял у бассейна, когда она сказала это. Мутанты. Фильтрация. Я смотрел на воду и думал: «Я только что простил отчима. Я сказал, что приму его. А теперь мир рушится». Может быть, это и есть взрослость — когда ты прощаешь, а потом понимаешь, что это ничего не меняет.

С приходом мутантов к власти моя жизнь, как ни странно, практически никак не изменилась. Она осталась такой же привычно-невыносимой, как и раньше. Бесконечная серая вереница дней, неотличимых друг от друга, как капли дождя на оконном стекле.

Я продолжал проводить их напролёт дома, сидя с гитарой в руках. Часами бессмысленно перебирал струны, извлекая мелодичные, но никому не нужные аккорды. Именно в этой монотонной, почти кататонической неподвижности ко мне чаще всего приходило «вдохновение» — химическая реакция мозга, пытающегося оправдать собственное существование. Мелодии рождались одна за другой, словно сами собой вытекая из пальцев. И умирали там же, никем не услышанные.

Почти каждый день ко мне заходила Марта. Это был наш негласный пакт о взаимном одиночестве. Вместе мы предавались любви — механическому, приятному, но в конечном

счёте обречённому акту. Затем часами лежали рядом, мечтательно глядя в потолок, разговаривая обо всём и одновременно ни о чём конкретном. Разговоры наши казались бесконечными, лёгкими и воздушными, словно парящие над нами облака. Мы были двумя кораблями, дрейфующими рядом в ночном океане, боясь и одновременно желая отплыть друг от друга.

L4D4O:

Всё, что скажу тебе... ДЫМ... Беспокойный, как острый...
НОЖ.

Всё, о чём молчишь... ТЫ... Моё тело бросает... в ДРОЖЬ.

Но иногда разговор касался чувствительных тем. Марта признавалась, что немного боится наших отношений, хотя одновременно признавалась, что совершенно не представляет своей жизни без меня. Её переживания были понятны и ясны мне. Они были так же банальны и предсказуемы, как сюжет второсортного фильма.

— Я никуда не спешу, Марта, — повторял я ей спокойно. Голос был ровным, как у автоответчика. — Не стоит торопить ни тебя, ни меня. Сейчас не время говорить о совместном будущем. Нам хорошо вместе именно так: когда хочется встретиться, мы встречаемся. Без каких-либо обязательств, без ненужных рамок и усложнений.

Обычно она слушала молча, лишь внимательно всматриваясь в моё лицо, будто пытаясь навсегда запечатлеть каждую деталь моей внешности. Порой казалось, что она пыта-

ется сохранить этот миг навеки. Как будто этот миг стоил того, чтобы его сохранять.

Что касается самих мутантов... До сих пор я не мог понять, почему их принято называть именно так. Большинство из них выглядело абсолютно обычно, ничем не отличаясь от обычных людей с их мелкими страстями и большими разочарованиями. Просто кто-то имел чуть более острые органы слуха (чтобы лучше слышать ложь), кто-то обладал кожей особой плотности (чтобы не чувствовать боли), а у некоторых даже появились жабры (чтобы было легче плыть по течению). Но внешне это не воспринималось катастрофически или пугающе. Люди оставались людьми. Слегка иными.

После прихода новых властей я успешно прошёл обязательную процедуру фильтрации: заполнил анкеты (в графе «смысл жизни» написал «отсутствует»), прошёл медицинскую комиссию (подтвердившую мою полную биологическую пригодность к унынию) и психологический тест (показавший лёгкую склонность к социопатии). Меня утвердили на прежней должности саунд-продюсера. Новый начальник оказался мужчиной примерно пятидесяти лет, спокойным и уравновешенным человеком, без излишних эмоций или фанатизма в глазах. Идеальный бюрократ новой эпохи.

— Сейчас такие специалисты, как ты, особенно необходимы нашему обществу, — произнёс он негромко, почти равнодушно. — Настало время показать всем важность вашей деятельности. Ведь ваша музыка оказывает гораздо большее

влияние, чем многие себе представляют.

Его слова прозвучали неожиданно серьёзно. Как угроза. Оказалось, у меня уже появились последователи — люди, способные объединять несочетаемые вещи, находить гармонию там, где ранее никто её не видел. Или не хотел видеть.

Тем временем мир постепенно менялся. Венеция оказалась полностью погружённой под воду (туристы теперь плавали на гондолах с аквалангами), Петроград пострадал от частичного подтопления (теперь это был город-амфибия), Нови-Йорк был следующим. Однако никто уже не паниковал. Паника — это слишком энергозатратная эмоция.

Возможно, появление мутантов не случайно. Возможно, эти изменения — лишь очередной естественный этап эволюции человечества. Жабры, обострившиеся чувства, особая кожа — возможно, это просто новый музыкальный аккорд в вечной симфонии человеческой истории.

Глава 7. Софи

На расстоянии меньше полуметра от глаз Феникса завис дрон-стрекоза размером не больше дюйма. Феникс нервно отдал команду:

— Срочно найди мне дочь.

Дрон покачивался, как лодка во время шторма.

— Что ещё? А если наткнушь на защиту?

— Тогда можешь сразу лететь в мусорную корзину.

— Я понял, ищущу Софи.

— Давай.

«Расправив крылья, я.....вылетел прочь

Над гребнем улиц

Поплыл, как бог»

(L4D4O, «Космос молчал»)

Через две минуты дрон-стрекоза завис перед лицом Софи... Она отсканировала пришельца и разрешила войти. Перед её глазами появилось лицо отца. Феникс увидел лицо дочери.

— Волнуешься?

— Немного, пап.

— Да, конечно, возвести открытый стадион посреди Ла-Манша — это была та ещё идея. Но кто догадался провести здесь матч такого масштаба? Ветер невозможный. У меня пол-армии дронов пропало без вести.

— Прости, пап, это была моя идея.

— Слов нет. Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Феникс набрал Корнелиуса.

— Привет, Корнелиус, у нас беда.

Софи увидела помимо отца теперь ещё и лицо Корнелиуса.

— Привет, дядя Корнелиус.

— Привет, привет, Софи.

— У нас ветер невозможный. Моя вина, не учла этот фактор, что делать? — спросила Софи и сделала знак рукой, что

ей надо отлучиться.

Оба молчали с минуту. Корнелиус нарушил тишину:

— Есть вариант. Откроем Карибское море. Там, конечно, не очень будут довольны. Затопит всю Центральную Америку и Флориду. Но мы теперь их должники, брат.

— Я понял, благодарю, брат!

— Бывай.

Звучат гимны. Ветер ослабевает. Начинается международный матч по объединённым правилам футбола Северной Америки и регби: команда Америки против команды Barbarians (сборная мира).

Включается Софи.

— Дочь, у нас ровно сорок минут.

— Я поняла, пап.

— Давай ещё раз проверим настройки. Скинь мне Real-состояние.

61% — ЭфКейЭй Твигс — вокал

00% — Ливион Белл — вокал

53% — Марк Нопфлер — гитара

48% — Ангус Янг — гитара

56% — Гейл Энн Дорси — бас

34% — Кит Мун — драм

100% — Smart-саунд

— Почему Ливион Белл на нуле?

— Его продюсер попросил отстроить Ливиона Белла в реальном времени.

— Софи, если кто-то ещё что-нибудь попросит, отсылай ко мне. У драмера не маловато ли громкости?

— Это же Кит Мун, он зверь, а не барабанщик. Пап, Ангус Янг просил добавить Reverb на гитару.

— Даже не вздумай. Убьём драйв. У нас двадцать минут. Проверим массовку. Скинь мне Real-состояние. Я отойду. Феникс возвращается.

— Ну что тут у нас? Через пять минут начинаем.

— Да всё нормально, с мамой поговори...

— Наби, привет, любимая!

— Привет, родной. Всё нормально, вы живы?

— Да, извини, выключаюсь, увидимся через полчаса...

Начинается half-time show.

На поле прямо посередине вырастает вулкан, внешне напоминающий Фудзияму. На самой вершине ЭфКейЭй Твигс извивается и танцует в окружении трёх партнеров. Звучит таинственная музыка, слышен голос океана, накатывающие на берег волны, крики чаек. Поле заполняется танцующей массовкой.

Справа над воротами на подвесной платформе Марк Нопфлер в смокинге с гитарой извлекает негромкие звуки, похожие на крики китов. На противоположной стороне Ангус Янг в смокинге начинает играть вступление. Марк подхватывает мелодию, а потом оба взрывают стадион мощным рифом.

— Софи, вот идеальный баланс, держи его до конца.

— Я поняла, пап...

Вступает ритм-секция: Гейл Энн Дорси и Кит Мун. Кит Мун первыми же ударами пробивает пластик рабочего барабана. Smart-саунд система дублирует ударные в течение полуминуты, пока техники спешно меняют рабочий барабан.

Вулкан оседает, подвесные платформы с гитаристами плывут к центру поля. ЭфКейЭй Твигс танцует, обыгрывая вокалом один и тот же повторяющийся риф Money for Nothing. Появляется Ливион Белл и начинает исполнение:

врЕмя тлело под ногАми... сметая оригАми... усталыми
рукАми... постылыми губАми...

в лицо вплетался пьяный... прошлогодний... снЕг
волны ветреных признАний... тропа воспоминАний...
упрямые метанья... МЯЧ новых испытаний...

вложил в мою ладонь незримый... qUArterbAck
... Я... в трансе падал нИц... рАскидало птИц... нЕБО ...
...лИвнем ИстЕклО ... бИлось о стеклО ...
увлекли меня в глубИны... немые хунвейбины... дыханьем
ястребИным... баюкала чужбИна...

на площадях маячил мой распятый.... вЕК
сотни жизней под личИной... камланье мертвечИны...
людское капучИно... весомые причИны...

вложил в мою ладонь незримый... qUArterbAck
... Я... в трансе падал нИц... рАскидало птИц... нЕБО ...
...лИвнем ИстЕклО ... бИлось о стеклО ...

Платформы с гитаристами встречаются, музыканты по

очереди исполняют соло. Стадион слышит сначала гитару Марка Нопфлера, а затем — Ангуса Янга. Фигуры ЭфКейЭй Твигс и Ливиона Белла на тросах парят над полем.

путь мой жестоко был сКОмкан... как в любительской съЁмке...

в последних кадрах тает... мОй... устАлый бЕг
пела улица протЯжно... глаголом трёхэтАжным... назой-
ливо винтАжно... но всё, что было вАжным...

вложил в мою ладонь незримый... qUArterbAck
на этом драйве... мне не было равных... на этом драйве ...
на этом драйве... мне не было равных...

Гейл Энн Дорси присоединяется к вокалистам в завершающей фазе.

...Я... в транс падал нИц... рАскидало пТИц... нЕБО
...лИвнем ИстЕклО... бИлось КАК стекло...
... Я... в транс падал нИц... рАскидало пТИц... нЕБО ...
...лИвнем ИстЕклО ... бИлось о стекло

Гитаристы доигрывают последний риф. Кит Мун в щепки разваливает ударную установку — это выглядит как спланированная часть шоу. Стадион гудит и погружается в полумрак. Зрители затаили дыхание в ожидании второго тайма.

Феникс видит ликующую, прыгающую от счастья дочь. А потом она вдруг успокаивается, поворачивается к нему лицом, в её глазах стоят слёзы. Она закрывает лицо руками и плачет...

Внутренний голос Феникса: «То, что она делает — не про-

сто талантливо. Оно живое. Оно дышит. Оно само по себе. Но я никогда не скажу ей об этом. В нашей жизни и так хватает алхимии и магии. Я просто волнуюсь за её душевное здоровье. Она слишком много вкладывает. Она слишком много чувствует. Я не знаю, выдержит ли она это. Я не знаю, выдержит ли мир это. Но я не могу остановить её. Я могу только смотреть».

Глава 8. Икар

Я несколько лет отсутствовал в реальной жизни, пребывал в мире удовольствий — до тех пор, пока к власти не пришла военная хунта, состоящая из мутантов и гибридов. Так называемая «последняя ветвь человечества», как они себя позиционируют. Их приход к власти был не революцией, а скорее бюрократической формальностью, утверждением нового, более эффективного порядка вещей.

Были проведены облавы по всем значным местам. Это называлось «санитарной чисткой информационного поля». Так я оказался в тюрьме. В месте, где время не движется, а лишь капает, как вода из неисправного крана.

Моя мать, Каре, узнав об этом, приехала в тюрьму поддержать меня. Тюремное начальство — эти функционеры нового мира — рассказали ей о государственной программе по реабилитации оступившихся граждан. А по сути, обещали дать мне свободу при условии, если я возьму на содержание тело бомжа-мутанта. То есть буду жить в теле мутанта. Ста-

ну носителем для социальной программы.

Мы несколько лет не виделись. Она, конечно, сильно сдала и постарела. Особенно когда с братом случилась беда, она места себе не находила.

Пришла пора знакомиться. Я — тень. Меня зовут Икар.

Мой отец, которого я никогда не видел, сидел по ложному обвинению пожизненный срок, пропал без вести в тюрьме и был реабилитирован посмертно. Справка о реабилитации лежала у матери в шкатулке вместе с дешёвой бижутерией. Мой брат пропал без вести в командировке. В одной из тех «командировок», откуда не возвращаются. Мой отчим сидит на пожизненный срок. За песни.

Сидим. У матери текут слёзы. Это был единственный доступный ей язык.

— Сынок, что с нами происходит? Я не знаю... Твой отец, родной отец, похоже, убит. Твой брат погиб. Я одна. Совершенно одна осталась. Я не знаю, что делать. Я тебя прошу, умоляю. Ты не только меня осчастливишь, свою мать, но и сам обретёшь покой и мир. Да, может быть, это не самый лучший вариант. Это против нашей природы. Но это единственный шанс. Иначе ты всю жизнь проведёшь в тюрьме, а жизнь вряд ли будет долгой с твоей репутацией порноактёра. Подумай хорошенько.

Я согласился. Что ещё мне оставалось? Бунтовать? Против кого? Против системы, которая уже победила? Это было бы так же бессмысленно, как и всё остальное.

Около недели я привыкал к инородному телу. Бомж оказался тихим и спокойным. Он был похож на старый, потрепанный чемодан. Особо не докучал мне. Я поселился в доме брата. Пустой дом. Эхо шагов и воспоминаний.

Недавно у меня в гостях побывал ворон Брэндон Ли. Я сидел на веранде без каких-либо мыслей (состояние, которое я научился ценить), как вдруг на стол садится чёрный ворон.

— Мир дому твоему, юноша. Не ты ли Икар?

— Он самый.

— О-о, я помню тебя, когда ты был размером с теннисный мяч... Обживаешься, бро? А это кто у тебя?

— А это... — я кивнул на бомжа, — цена за свободу. Всучили на содержание.

— Да, мир стал сложным. Чем планируешь заниматься?

— Да вот предлагают место Vo-Lo-2ино — быть саунд-продюсером.

— Что ж, неплохо для начала. Ну ладно, бывай, — Брэндон расправил крылья.

— Рад тебе, брат.

Он взлетает, я машу ему рукой. Бомж от удивления вытаращил глаза.

— Ты что, говорящих птиц не видел?

— Так это ты по-ихнему разговаривал?

— Ага. А я и не знал, что умею... Тебя-то, кстати, как зовут?

— Тутанхамон.

— Серьёзно?

— Серьёзно.

— Слушай, Икар, у тебя есть что-нибудь выпить?

— Мой дом — твой дом. Что найдёшь — всё твоё. Только не води сюда никого, чтобы дом не провонял.

Через неделю после моего освобождения меня пригласили в офис продюсерской компании со странным растаманским названием «Ja-Bro». После непродолжительного собеседования (в ходе которого меня больше интересовала упругость зада секретарши-мутантки) я был принят на работу и тут же получил задание. Особых идей у меня на этот счёт не было. Да и от музыки я был как-то далёк. Она казалась мне слишком громким саундтреком к чужому счастью.

L4D4O:

Если ты о главном... Скинь.. Своё платье.

Если о планах на жизнь... Ради этого... Жить не стоит.

«Я позвонила Икару на следующий день после его освобождения, — вспоминает Марта (теперь уже из тела мутантки с идеальной кожей и пустыми глазами), — и предложила встречаться. Он рассказал мне о цене своего освобождения. Его спич о бомже Тутанхамоне развеселил меня. И я также завела себе в качестве тела женщину-мутанта из ближайшего борделя. Жизнь — сложная штука. Особенно когда она перестаёт быть твоей».

— Алло.

— Алло. Икар? Ты спишь, что ли? Даю тебе пять минут

— wake up и ко мне.

— А кто это?

— Ja-Bro!

— Кто?!

— Твой босс, блять, давно пора узнать! Без сборов — одна нога тут, другая там. Этого твоего кретина не бери, времени нет, да и воняет он... В темпе!

— А если меня патруль остановит?

— Ко мне давай быстрее! Потом уж сделаю пропуск...

Спустя пять минут я уже сидел в кресле в его кабинете. Слезы стояли в его глазах. Это были слёзы не горя, а досады бизнесмена, у которого из-под носа увели выгодный контракт.

— Суки опередили, опередили суки...

— Что случилось? — спросил я. Мой голос был ровным. Я уже привык, что всё заканчивается плохо.

— Проект спиздили.

— Как?

— Да... Заказчик позвонил, сказал, что уже неактуально. Слишком... оптимистично для текущих реалий. Что теперь делать будем? Изучай вот это! Пятнадцать минут даю, а сам пока поплаваю.

Босс сбросил пиджак, небрежно кинув его на кресло, распахнул окно и прыгнул с третьего этажа прямо в огромный аквариум, установленный на автомобильную платформу. Он разбрызгивал воду и пугал прохожих. Это был не жест от-

чаяния, а демонстрация власти. Власти над гравитацией и здравым смыслом.

Передо мной лежала папка с грифом «Строго для внутреннего пользования». Приходит сообщение. Марта пишет, что её тело сбежало. Просит одолжить Тутанхамона.

— Пожалуйста, конечно! — отвечаю я. Всё это уже не имеет значения.

Икар захлопнул папку, прикрыл глаза и задремал в кресле. Сон был неглубоким, полным индустриальных шумов и обрывков чужих мелодий.

L4D4O:

Кротко войди в тишину и ни о чём не жалея.

Океан, как всякий великий картёжный шулер, любит притворяться своим в доску. Более того, он готов даже стать вашей собственностью. На время. Пока не придёт время забрать ставку. Нежнейший пар скользит по поверхности воды, намекая нам, что мир забыл боль потерь, и нам предписано всё забыть. Предписано забыть, что забвение — это и есть главная потеря.

Икар и Марта бредут вдоль скучающего побережья, оставляя невинные следы на древнем коварном песке. Тело земли выражает покорность. Небо над ними надменно и недоступно. Шальные ветра прячутся на заброшенных пирсах. Всё подчинено одной идее — изображать вечность. Изображать то, чего нет.

Дыхание утра — это учащённое дыхание Марты после

спонтанного секса. Того самого, который должен был что-то значить. Их тела сливаются, а время исчезает в пространстве. Или просто останавливается, устав от своего однообразного хода.

Икар открывает глаза.

Хаос дней отступил, уступив место рутине простого существования. Показалось на мгновение, что сама природа примирилась с человеком. Показалось. В своих мечтах он уже исполняет «*spryng upon you*» (VSFenix). Он держит в руках гитару брата, извлекает первый неловкий аккорд. Гитара скулит и скоро надоедает Икару, но он не сдаётся. Его пальцы кровоточат от металла струн. Это его епитимья. Между ним и Мартой повис последний аккорд незавершённости. Неразрешённый диссонанс.

И тогда Марта сказала тихо:

— Мы стоим перед выбором, как нам жить дальше.

L4D4O:

Я проснулся в немой тесноте... Чуть дыша... Вечной осенью.

Икар смотрит на неё долгим немигающим взглядом, потом переводит взор на океан. В её словах он слышит не призыв к действию, а приговор их отношениям. Выбор — это иллюзия. Есть только компромисс и постепенное угасание.

Пока военная хунта мутантов упивалась властью, фактически бездействуя, на древнем оборудовании в тайных подземных бункерах было собрано войско боевых роботов. Ис-

тория не терпит вакуума власти. Горстка людей с их помощью свергла мутантов, установив ещё более жёсткие правила. Все «нелюди» объявлялись вне закона. Разрешалось жить только тем, кто может приносить реальную пользу обществу. То есть быть шестерёнкой в новом механизме.

Икар и Марта пока ещё не знают об этом. Они полулежат в тени орешника. Она дремлет, положив голову ему на плечо. Её тело тёплое и тяжёлое. Он переводит взгляд на океан и видит огромную волну, надвигающуюся на них.

Глава 9. Софи

— Добрый вечер, Фидель. Меня зовут Феникс, я отец Софи. Софи сегодня не пришла домой ночевать, я звоню тебе, чтобы узнать, может быть, ты что-то знаешь. Вы расстались, понятно. Но хотя бы можешь дать какую-то информацию о ней? Где ты её видел в последний раз? Фидель, почему ты так со мной разговариваешь? Я с тобой ещё не закончил, я ещё с тобой встречусь, научу тебя правилам хорошего тона. Да-да-да, ещё встретимся. Да, Наби.

— Я не знаю, что делать, я звоню, она недоступна. Я с ума сойду.

— Вот только этого не надо, я тебя прошу, успокойся. Сейчас я все силы бросаю на поиски Софи.

— Люблю тебя.

— Я тебя люблю.

— Корнелиус, брат. У меня беда.

— Что случилось?

— Софи пропала. Можешь пробить ее?

— Я постараюсь сейчас. Быстро сделать. А пока я пробиваю, ты мне быстро расскажи, что произошло.

— Она вчера утром была как обычно. Никуда не собиралась. Днем мы должны были вместе встретиться, пообедать, но я не смог. А вечером я пришел, ее дома не было. Мы легли спать, подумали: может быть, задержалась, может быть, будет позже. А может быть, обиделась. Но если она куда-то упархивала, она бы сообщила, она всегда оставляла какие-то маячки. Всегда либо сообщения присылала, либо сама звонила. Тут просто пропала — и все. Будешь искать. Спасибо, родной. Пока.

— Алло.

— Великий Пустынник.

— Да, Феникс.

— Софи пропала.

— Как пропала?

— Так, утром вчера я с ней виделся. Домой не пришла ночевать. Не знаю, что с ней. Звонил, телефон выключен.

— Телефон выключен? Такого быть не может. Я все силы сейчас бросаю на поиски Софи. Когда рядом с тобой родные, близкие люди, которых ты очень любишь, ты должен жить всегда на опережение. Потому что это очень важно, особенно важно в такие моменты, когда жизнь тебя раком ставит. Вот так, как сейчас. Почему ты сейчас позвонил? Почему не

вчера?

«Поведай мне, земляному червяю... Замысел Бога, если он есть

А если нет, не обессудь... Тень каблука... Пронеси надо мной»

(L4D4O, «Отпуск Бога»)

Проходит час. Звонит Наби.

— Ну что, слышно что-нибудь?

— Пока нет.

Звонит Корнелиус.

— Слушай. Есть что-нибудь?

— Есть передвижение. Она все-таки уехала. Есть снимки с камер. Есть весь маршрут. Есть момент, когда обрывается связь. Это очень важная информация.

— Я выезжаю, скинь мне, пожалуйста, сразу сообщением. Пока я буду ехать, я все пойму, куда мне ехать. Ладно, на связи, брат. На связи.

Звонит Великий Пустынник.

— Ну что, Феникс, слышно что-нибудь?

— Вот брат Корнелиус звонил. Нашёл там с камер, с наружных камер. Есть следы, где она была. Есть точка, координата, где она не вышла. Где связь обрывалась.

— Что с тобой?

— Ну что со мной? Я волнуюсь, лезут всякие мысли.

— Выбрось в жопу эти мысли. Мы всё пробили. Её нет в стране. Она куда-то упархивала. Ищем сейчас по всему ми-

ру. А ты вместо того, чтобы сейчас метаться, приезжай ко мне. Я с тобой давно хотел поговорить.

— Да, Великий Пустынник, еду к вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.